

Примечания

1. Памятники литературы Древней Руси: XIV–XV веков. М., 1981. С. 570–579.
2. Коновалова О. Ф. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV века // ТОДРЛ. 1959. Т. 14.
3. Краткая литературная энциклопедия. М. Т. 9. С. 28–34.
4. Там же.

© Девятайкина Г. Л.
г. Новоуральск

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА В «УРАЛЬСКИХ РАССКАЗАХ» Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Наименее разработанным разделом топонимической науки является поэтическая топонимика, которая изучает «топонимы художественных произведений, их создание и использование» [1]. До сих пор нет достаточно полного и цельного представления о закономерностях обращения к топонимам в художественной литературе и своеобразии их употребления в различные исторические эпохи и у разных авторов.

Сложность исследований в области поэтической топонимики в значительной степени определяется неоднородным характером топонимического материала в художественных произведениях. Например, исследуя творчество А. И. Куприна, А. А. Никольский [2] выделяет три основные группы поэтических топонимов: во-первых, «вымышленные», т. е. созданные воображением автора по имеющимся в языке типовым моделям; во-вторых, реальные топонимы; и, наконец, видоизмененные реальные топонимы (к ним он относит упрощенные топонимы: вместо Большая Курша — просто Курша).

Особенностью идиостиля А. И. Куприна, по мнению автора статьи, является использование преимущественно топонимов второй и третьей групп, так как именно они способствуют более полному и всестороннему пониманию художественного произведения.

Важную роль играют топонимы и в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. Несмотря на обилие «реальных» топонимов (города: Петербург, Москва, Камышлов, Верхотурье; реки: Чусовая, Исеть; скалы Бойцы и т. д.), что является немаловажным для открытия уральского края российскому читателю, в его произведениях огромную роль для осмысления художественного концепта «Урал» играют «вымышленные» топонимы.

В работе предлагается классификация топонимов, отличная от предложенной А. А. Никольским: с одной стороны, это реальные топонимы, которые используются писателем для обозначения реального «физического пространства» [3] — их можно назвать объективными, с другой — субъективные, т. е. те, что сочинены писателем. Такие топонимы также можно назвать авторскими или литературными. В произведениях они взаимосвязаны, но в данной работе в центре внимания находятся субъективные топонимы. Рас-

смаатривая словообразовательную модель, использованную писателем для создания такого имени собственного, путь введения топонимов в текст, систему ассоциаций, которые вызывает каждый из них, можно понять художественную функцию, выполняемую поэтическим топонимом в произведении.

Данное исследование проводится на текстах «Уральских рассказов» Д. Н. Мамина-Сибиряка. Они были созданы в 80-е гг. XIX в. Название художественной книги, включавшее географическое определение, для восьмидесятых годов не было традиционным. «Подчеркивать локальный характер книги решались далеко не все. Не все и были убеждены, что литература исследует конкретные формы жизни, обусловленные не только общим характером социального процесса, но и особенностями развития, зависящими от исторических судеб того или иного края России» [4]. Уральские села, не знавшие по-настоящему крепостного права, представляли, по мнению Мамина, хороший материал для анализа новых капиталистических отношений, складывающихся в деревне. Осознать трагизм такой ситуации во многом помогают авторские топонимы, так как они содержат в себе чувства и ощущения не только писателя, но и народа. Так, «повествователь Мамина-Сибиряка снимает границу между своим сознанием и чужим» [Там же]. Следовательно, ослабляется оппозиция «свое – чужое», пространство «Уральских рассказов» расширяется. Конфликт прошлого и настоящего, города и деревни отражается в сюжетах произведений.

Образ города наиболее ярко создан в рассказе «Башка». Топоним Пропадинск как «литературный двойник Екатеринбурга» [5], появившись в начале произведения, выполняет предсказательную функцию — готовит читателя к предстоящей драме.

Название уездного города образовано от глагола «пропадать» путем добавления суффикса -инск- (пропадинский), где суффикс имеет значение места [6]. Существительное (в отличие от прилагательного) в роли топонима обретает более экспрессивное значение: в нем заключена конкретность, твердость, возможно, окончательность сохранившегося оттенка совершенного негативного действия. Усиливает семантическую насыщенность сочиненного топонима употребление его в контексте регулярно повторяющихся лексем: «растворился», «утонул», «исчез», «пропал». В каждом из этих слов — драматичность бытия, растворенность города в осенней грязи, погруженность мира в темноту ночи. В звучании топонима Пропадинск также чувствуются оттенки лексического значения существительного «пропасть» с его метафорическим «дойти до тяжелого гибельного состояния».

Пространство произведения, обозначенное как «городошко Пропадинск», реализуется в пейзаже: «Утро было *отвергательное*, точно природа *выворотила* из своих недр *всю грязь*, какая только была в запасе. По небу ползли низкие, *грязные* облака, цеплявшиеся за самые крыши городских домов. На улицах *грязь стояла по колено*, и можно было подумать, что с неба в течение двух последних дней лился не дождь, а *помои*» [7].

Реализация топонима осуществляется в его векторности, направленной на судьбы героев. Человек ошибается и буквально *пропадает* в Пропадин-

ске, падает на «дно». Так случилось с Медальоном, когда-то окончившим гимназию с золотой медалью; с Корнилычем, который «теперь имел всегда измятое лицо»; с Ерошкой, который «наслаждался теперь... теплотой гнилого кабацкого притона»; с Фигурой, когда-то бывшей «хорошенькой женщиной, привыкшей требовать всеобщего внимания»; с Башкой, бывшим первым учеником в семинарии... Теперь все эти люди — «одного поля ягоды».

Д. Н. Мамин-Сибиряк расставляет акценты на жизненных ценностях, среди которых самой сильной называет любовь: именно она помогла Башке выбраться из плена «гнилого кабацкого притона» и начать много работать, чтобы сделать свою любимую женщину — Фигуру — счастливой. Однако человеческого в Пропадинске не осталось — настоящие чувства высмеиваются: «Подогретая вином и общим вниманием, Фигура принялась рассказывать о Башке в лицах, кривлялась, размахивала руками и несколько раз чуть не растянулась на полу. Это даровое представление надрывало животики всей “Плевне”...» Кабак, с которым ассоциируется «дно» жизни, названный, видимо, в честь болгарского города, является простатьей, преисподней. Здесь теряют человеческую сущность ее завсегдатаи. Исчезает и Башка, но он перестает существовать лишь в городе Пропадинске.

Топоним Пропадинск появляется в первом абзаце и в конце завершает повествование автора об одной истории из жизни города. Благодаря этому композиционному приему создается эффект замкнутого круга, из которого вроде бы и нельзя выбраться, но судьба Башки, который опирался в жизни на «жестокую логику», заключавшуюся в том, что «жизнь требует цельного человека, сильного умом и волей», и его поступок в конце рассказа — уход из Пропадинска — вселяют надежду на то, что человек способен победить «этот всеобщий разлад». «Рассказ Мамина-Сибиряка “Башка” — один из первых “горьковских”, до появления самого Горького» [4]. Хотя слово «дно» Мамин не употребляет, понять литературные параллели помогает имя собственное Пропадинск. Таким образом, топонимы, устанавливая межтекстовое пространство, организуют «интертекст» [3], поэтому в ряде случаев могут рассматриваться как «точные цитаты» (термин С. Н. Смольникова) [Там же].

Пропадинск как «точная цитата» встречается и в рассказе «Отравы». В основу сюжета данного произведения положено реальное явление жизни, освещенное Маминым «во всем простом и мрачном трагизме». Рассказ назван по кличке последней заступницы несчастных баб от «зверства» их же мужиков. Однако его название символично: отравлена атмосфера деревни. Село Шатуново, в котором и разворачиваются события, находится недалеко от города Пропадинска, следовательно, влияние города на село очевидно.

Имя собственное «Шатуново» появляется в произведении из уст повествователя, сухо описывающего свое путешествие. Лишь затем, в процессе сюжетного развертывания, топоним наполняется негативной семантикой. Образовано географическое название от существительного «шатун» (так называют либо человека, ведущего бродяжнический образ жизни, либо одичавшее животное, живущее в одиночку). Существительное, в свою очередь,

образовано от глагола «шататься», что означало на Руси «блуждать», «волноваться», «бродить», «суетиться», «качаться» [8]. На характерность признака (шатания) для деревни указывает суффикс прилагательного *-ов-*, при помощи которого и образован топоним от существительного. Морфемы *-ун-* и *-ов-* несут в себе значение «некоторой раздробленности» [6].

Мир потерял свою «целокупность» [4]. Как следствие пропадинского влияния пошатнулись деревенские устои. Оппозиция «прошлое – настоящее» подчеркивается введением вставного рассказа об истории этих мест. «Шатуновские старики помнили еще времена, когда кругом Кекура стояли стеной непролазные леса, а в самом озере рыбы было видимо-невидимо; но леса давным-давно “поронили”, всю рыбу выловили самым безжалостным образом, как умеет это делать один русский человек, крепкий задним умом, и озеро мало-помалу обращалось в гниющее болото» (66). Пространство рассказа расширяется ассоциациями с другими произведениями писателя. Например, в рассказе «В худых душах» Д. Н. Мамин-Сибиряк пишет, что от «башкир остались во многих местах только одни названия». Так и вокруг села Шатуново. Озеро Кекур («каменный монолит»), озеро Чизма-Куль свидетельствуют о том, что еще недавно здесь хватало места, работы и пищи всем. Сейчас же даже озера заболотились, а речонка Исток (название которой говорящее – «начало») стала «гнилой». Природные топонимы выступают в роли хранителей памяти о прошлом. Разорение природы ведет к расшатыванию устоев, потере традиций, это, в свою очередь, нарушает душевную гармонию, разрывает семейные и кровные узы. Человек теряет человеческое – он не живет, а лишь «убивает время».

Для создания образа города и деревни писатель использует прием контраста. В городе «закипает какая-то лихорадочная жизнь», «улицы... принимают самый обманчивый вид», «мигают жалкие фонари», «дорога кажется убийственной», а «русская засыпающая деревня имеет всегда... грустный вид» (66). В центре ее «белеет каменная церковь», крылечки даже в это время растворены настезь, а окна смело выглядывают на «широкую шатуновскую улицу», где разворачивается сюжет об «очередном акте деревенской драмы», в котором «мужики зверствуют, а бабы травят».

Вектор топонима Шатуново направлен на характеристику душевного состояния людей. Они под фатальным влиянием имени своего села сомневаются во всем. И интеллигентного рассказчика, и человека из народа волнует вопрос: что нужнее – «Вахрушкина грубость или писарская галантность». Каждый из героев «Отравы» колеблется в выборе верного поведения: к какой деревне свернуть? пить или работать? травить или терпеть? Лишь те, что отравляют жизнь шатуновским, – верят в истинность поговорок «Бог да город, черт да деревня», поэтому писатель вводит в рассказ сюжет о писаре Антоныче, умевшем «сколотить копейку про черный день». Именно к нему перешло «все хозяйственное обзаведение» попа Ильи, которому ничего не оставалось, как «угрюмо шагать по своему дому из угла в угол, как затравленному зверю» (85).

В конце произведения ключевым словом становится «зверство», а ассо-

циации, вызванные топонимом Шатуново, усиливаются сравнением попа Ильи с медведем: «сидит-сидит, как медведь в берлоге, — ну и разрешит...». «Вот он какой, поп-то Илья: ходи да оглядывайся...» (93). Влияние города на деревню очевидно: все пошло «наперекосях». Город разбудил «медведя-шатуна», а это влечет за собой страшные последствия, поэтому «жизнь человека, самое драгоценное благо, идет совсем прахом». Топоним выполняет функцию предсказания.

Д. Н. Мамин-Сибиряк вставляет в рассказ авторское рассуждение о «мирных инстинктах исконного крестьянского населения», о «мирной деревенской обстановке», с которой «никак на могло примириться страшное дело» — отравление людей. Название рассказа символично — одна трагедия влечет за собой другую, потому что, как считает Мамин, все в мире взаимосвязано. В рассказах писатель отразил конфликт времени: народ чувствует приближение перемен, но не знает, по какому пути ему идти. Такое «шатуновское» состояние характерно и для героев рассказа «В худых душах».

Это произведение — яркое, ассоциативное начало «Уральских рассказов». Исследователи (А. И. Груздев, И. А. Дергачев) считают, что данный текст посвящен защите революционного подвига, так как даже после случившейся трагедии «Капитал» Маркса лежит на самом видном месте.

В рассказе «В худых душах» изображена обычная семья священника. Драма в ней разыгрывается быстро: «загубили дочурку», «она все молчит, прячется, никого не узнает»; Никашка стал городским жителем, отказавшись от патриархальности, недаром говорит автор, что «уродился он ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца»; Прошку доносами выжили с сельских учителей, а теперь он «за свою простоту в урядники попал»; Кинтильян бродяжкой был, а когда вернулся в отчий дом, его родители не признали, теперь он ходит «в живых покойниках». Горе родительское ничем не утешить. Понимая это, рассказчик лишь слушает любимых им стариков да мысленно проговаривает слова писания: «Глас в Раме слышан бысть, плач и рыдания, и вопль мног... Рахиль бо плачущися о чадах своих и не хотяше утешитися, яко не суть» (26). Близость сознания повествователя и человека из народа выражается в равном стремлении запечатлеть момент или раскрыть процесс, дать его оценку в метких народных изречениях или библейских мыслях.

Топоним Шляпово в рассказе «В худых душах» тоже содержит народную оценку происходящего в деревне. Писатель образовал его от существительного «шляпа». Словарь В. И. Даля [8] указывает на переносное значение слова «шляпа»: «простоватость, недотепистость» деревенского человека, боявшегося перемен, заключена в поговорке «Эх, ты, шляпа!». Суффикс *-ов-* указывает на присутствие данного качества у жителей села, о котором идет речь в рассказе.

Появляется топоним Шляпово как бы случайно: деревня недалеко от села Новоселы (образование новых сел — естественное явление на Урале в XIX в.). Название Шляпово привлекает внимание читателя, раскрывает позицию писателя. Осознать это помогают образы, созданные автором, точ-

но изображенные картины действительности, ассоциации, которые вызывает топоним Шляпово. Уральские горы, заросшие лесом, похожи на шляпу; дом попа Якова «добродушно поглядывает из-под своей порыжелой тесовой крыши». Лишь позже автор открыто сравнивает крышу со шляпой, так характерной для мужика: «...дом как будто глубже врос в землю да плотнее надвинул свою крышу прямо на глаза, как старую разносившуюся шляпу» (7). Возникающие ассоциации помогают задуматься: стыд или страх поселился в душе попа, если его дом натягивает шляпу на глаза. Переживает за деревню отец Яков, его боль скрыта в пословице: «В городе дрова рубят, в деревню щепки летят». От этих «щепок» хочется спрятаться дому под крышу-шляпу, чтобы не проникло вовнутрь «что-то скрытое, недосказанное, что, казалось, висело в воздухе». От этих «щепок» дядя Евмен неловко поправляет шляпу, когда осознает, что жизнь каждого «как на ладонке». Топоним Шляпово становится символом страха и стыда: матушка Руфина во время поездки в город всю дорогу под подушкой лежала, а поп вынужден «стоять у ворот в положении насторожившегося зайца». Авторская ирония очевидна, потому что нельзя скрыться от жизни.

Появившиеся в начале рассказа топонимы Шляпово и Новоселы используются Д. Н. Маминым-Сибиряком на протяжении всего произведения как символы. Новоселы придерживаются современных веяний. «Есть тут в Новоселах псаломщик, Варвар. Башка, я тебе скажу! Вот этот Варвар повздорил о чем-то с отцом Ксенофонтом и давай доносы жарить на его сына, а Прошка его ловить... Теперь у них такая каша, что упаси боже!» — говорит поп Яков своему гостю. «Везде суд да доносы, да подозрения» (13). Шляповцы пытаются спрятаться от трудностей жизни. Топоним Шляпово как бы усиливает название рассказа. Матушка Руфина скажет в конце автору: «Так в худых душах и живем: ни живы мы, ни мертвы, а один страх...»

Репрезентация пространства в данном рассказе в основном происходит через оппозицию «город — деревня», где последняя выступает хранительницей идеального прошлого, город же «наступает» на село, разрушает его добрые начала. «Шатуновское» состояние прослеживается и в сюжете рассказа «На шихане». Он подчинен главной цели — «рельефному обрисовыванию основания его [Савкиного] оригинального мирозерцания» (143). Этому же служит вставной рассказ — повествование Савки о своей судьбе. Приниженный бедностью Крохаленок убил приказчика, посягнувшего в годы крепостничества на честь его невесты, бежал, был «разбойником», чуть не убил управителя, застрелившего собаку. В последнее время жизнь героя протекает в деревушке Студеная. Семантика фатальности имени собственного ощущается в реплике Савки: «Я в Студеной живу...»

Топонимом здесь стало субстантивированное существительное. Прилагательное «студеный» образовано от страдательного причастия. Имя собственное сохранило в себе значение результата действия — остужения. Ненормальное течение «нормальной» человеческой жизни обнаруживается в топониме Студеная. В человеческом обществе царит «зверство», а «Савка же видит и ощущает гармонию в природе, воспринимает ее как эстетичес-

кое свойство живого» — считает И. А. Дергачев [4]. Остыло все вокруг, но не обледенели сердца Савки и его жены Анки. Он приглашает в дом попутчика, для чего придумывает миф о самоваре и доброй жене. Из рассказа Анки повествователь узнает, что из восемнадцати рожденных ею детей десять похоронены. Несмотря на свою видимую суровость, «каждый новый детский гробок она оплакивала по месяцам», а на свою тяжелую жизнь никогда никому не жаловалась.

Топоним Студеная ассоциируется со словом «стыд», тем более что слова «студить», «стыть» в значении «становиться холодным» восходят к общеславянскому корню, обозначающему «заставляет сжиматься». Отсюда и «холод» (в физическом смысле), и «стыд» (в нравственном) [9]. Стыдно жене за мужа, за свое поведение, стыдно Савке за «скорую на руку жену», за его жизнь, стыдно рассказчику за то, что человеку дискомфортно стало в мире людей и он «прилепился к безграничному лесному простору, и здесь, в мире животных, он находил погибшую в людях правду» (143).

Поэтика топонима Студеная задана «интертекстом», однако в данном рассказе она не полностью реализуется. Это показано на примере судьбы Савки и его жены. Перемещение героев в «моральном пространстве» [10] здесь связано с воплощением внутренних потенций личности. Эпическая сила, ощущение своей «нужности» в мире помогают Савке защитить «свое» пространство от влияния «чужого». Образ слезы в финале произведения придает вставному рассказу характер «осердеченной исповеди» [11] и обнажает гуманный пафос «борьбы за существование в этом животном царстве» (146).

Фатальное влияние топонимического вектора нарушается здесь потому, что Студеная окружена целомудренной природой. «Гора Лобастая составляла центр небольшого горного узла; от нее в разные стороны уходили синими валами другие горы... Хвойный лес выстилал синевшую даль» (126). Там же находилась гора Мохнатенькая. Эти топонимы хранят народную любовь (на это указывают, например, уменьшительно-ласкательные суффиксы). Память помогает выжить людям. Границы «Студеного» пространства нечеткие. На его территорию вторгается другое: «С каждым шагом вперед горная панорама точно раздавалась все шире и шире и небо делалось глубже» (126). Оппозиция «живое — мертвое» усиливается различными по происхождению топонимами. С одной стороны, это названия, для которых характерен момент олицетворения, с другой — сочиненные топонимы, несущие негативную авторскую оценку происходящего в мире.

Сквозной нитью в «Уральских рассказах» Мамина-Сибиряка проходит мысль о том, что в любом пространстве, в любое время человеческое должно восторжествовать в человеке. Авторские поэтические топонимы, выполняя предсказательную, идейную, ассоциативную функции, репрезентируют пространство, расширяют его границы, создают авторскую картину мира.

Примечания

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 143.

2. *Никольский А. А.* О рязанских топонимах в произведениях А. И. Куприна // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2003. № 1 (9). С. 45.
3. *Смольников С. Н.* Мифологема-топоним «Китеж» в поэтической системе Н. А. Клюева // Клюевский сб. /Отв. ред. Л. Г. Яцкевич. Вологда, 1999. Вып. 1. С. 121.
4. *Дергачев И. А.* Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890 гг. Новосибирск, 2005.
5. *Клочкова Ю. В.* «Псевдонимы» Екатеринбурга в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка: от Узла до Пропадинска // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы: Материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2002.
6. *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972. С. 347.
7. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Уральские рассказы: В 2-х т. / Подготовка текста и коммент. И. А. Дергачева. Свердловск, 1983. Т. 1. С. 30. Далее в тексте статьи в круглых скобках указываются страницы по этому изданию.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. М., 2001. С. 267.
9. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М., 1999.
10. *Лотман Ю. М.* О русской литературе. СПб., 2005. С. 626.
11. *Лейдерман Н. Л.* Движение времени и законы жанра: Монография. Свердловск, 1982. С. 40.

© Жаткин Д. Н.
© Борисова И. В.
г. Пенза

НЕМЕЦКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КЛАССИКА В ТВОРЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Музыкальное искусство занимало большое место в духовной жизни Ф. М. Достоевского. По свидетельству Л. Ф. Достоевской (дочери писателя), «Достоевский горячо любил музыку. Но <...> он не обладал подлинно музыкальным слухом и неизвестным произведениям предпочитал знакомые. Чем чаще он их слушал, тем больше испытывал наслаждение» [1]. Формированию музыкальных вкусов писателя способствовало общение с поэтами, художниками и знаменитыми музыкантами того времени. Музыкальная атмосфера, царившая в петербургских салонах 1840-х гг., оказала на Достоевского несомненное воздействие. Самыми интересными в этом отношении были салоны князя Одоевского, графа Соллогуба, графов Вильегорских. Все они «добивались знакомства с Достоевским, приглашали его к себе и сердечно принимали» [2]. Одоевский, пламенный почитатель Моцарта, Бетховена, Глинки и Берлиоза, был, кроме того, автором «Русских ночей» — книги, которая была отлично знакома Достоевскому, о чем свидетельствует тот факт, что именно из нее он взял эпиграф к «Бедным людям» [3]. Несомненно, факт близкого знакомства писателя с «Русскими ночами» способствовал более глубокому пониманию творчества таких немецких композиторов, как И.-С. Бах и Л. ван Бетховен. Не случайно С. Баласого (один из петрашевцев), в своей программной статье «Проект уч-